

ГЛАЗАМИ АНГЕЛА

МИСТИЧЕСКИЙ
ХОРРОР

Вадим Морозов

Вадим Морозов

ГЛАЗАМИ АНГЕЛА

«Автор»

2026

Морозов В.

ГЛАЗАМИ АНГЕЛА / В. Морозов — «Автор», 2026

Они ждали ангела сто лет. Он пришёл. И оказался страшнее любого демона. В глухой деревне Чертополох произошло падение. С неба сошла сущность из вращающихся колец и сотен глаз — библейский ангел в его истинном облики. Не вестник добра, а безжалостный судья, показывающий каждому абсолютную правду о нём самом. Люди не выдерживают этого взгляда. Они сходят с ума, вырывают глаза, умирают от собственной вины. Деревня отрезана от мира. Выхода нет. Лингвист Даниил Громов знает единственный способ победить — соврать ангелу. Но ложь должна стать его новой правдой. Навсегда. Мистический хоррор о цене истины и спасительной силе самообмана.

© Морозов В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ГЛАЗАМИ АНГЕЛА – МИСТИЧЕСКИЙ ХОРРОР	5
ГЛАВА 2: ПАДЕНИЕ	9
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Вадим Морозов

ГЛАЗАМИ АНГЕЛА

ГЛАЗАМИ АНГЕЛА – МИСТИЧЕСКИЙ ХОРРОР

ЧАСТЬ 1: ПРИБЫТИЕ

ГЛАВА 1: ДРЕВНЕЕ ПОСЛАНИЕ

Дорога в Чертополох заняла два дня.

Сначала электричка до районного центра, потом раздолбанный «ПАЗик», который шесть часов трясся по разбитой грунтовке, а дальше — только пешком. Даниил Громов шёл по тропе, петляющей между елями, и думал о том, как же он ненавидит эту глушь.

Октябрь выдался холодный. Деревья давно облетели, стояли голые, чёрные, словно угольные прутья. Под ногами хлюпала грязь — густая, липкая, пахнувшая прелой листвой и чем-то кисловатым, будто сама земля начала подгнивать. Туман висел низко, цеплялся за ветки, полз по земле, и казалось, мир заканчивается в трёх шагах от тебя.

Даниил поправил ляжку рюкзака и зашагал быстрее. В университете — кабинеты с пахнущими старыми книгами полками, тихие коридоры, кофе из автомата в перерывах между лекциями. А тут — тайга, грязь, холод. И деревня, о которой он узнал неделю назад.

Тогда пришло бумажное письмо от какого-то краеведа по имени Василий Петрович — нашёл его контакты через университет.

Текст был написан корявым почерком человека, который давно отвык держать ручку:

«Уважаемый господин Громов. Слышал, вы специалист по древним языкам. У нас в церкви нашли надписи. Никто не может прочитать. Может, вы поможете? Если готовы приехать — пришлите номер карты, переведу деньги на дорогу и проживание. Фото надписей прилагаю.»

Даниил ехать не собирался. Ни желания, ни сил не было. Но потом разглядел фотографию, которую Петрович приложил к письму. На фото — стена деревянной церкви, покрытая странными символами. Даниил увеличил изображение, и по спине прошёл холодок.

Символы он прочитать не мог. Но некоторые узнал.

Не все — только те, что повторялись снова и снова, словно рефрен, словно заклинание. И означали они одно и то же слово. Или, вернее, одно и то же предупреждение:

«НЕ СМОТРИ».

Даниил не знал, что это значит. Но знал: должен увидеть своими глазами. В тот же вечер он перезвонил Петровичу, продиктовал номер карты и согласился приехать. Через два дня пришли деньги — тридцать тысяч.

Чертополох появился внезапно, словно вырос из тумана.

Сначала Даниил услышал лай собак — хриплый, злой. Потом разглядел первые дома — покосившиеся, почерневшие от времени, с заколоченными окнами. Деревня была маленькая — человек на тридцать, может, сорок. Но производила впечатление чего-то гораздо большего — будто когда-то здесь кипела жизнь, а теперь осталась только оболочка, скорлупа.

По дороге попала женщина. Несла вёдра с водой из колодца, увидела Даниила — остановилась. Посмотрела долгим, тяжёлым взглядом.

— Вы к Петровичу? — спросила наконец.

— Да. Я Даниил Громов. Мы списывались.

Женщина кивнула.

— Я Марфа. Пойдёмте, покажу, где он живёт.

Шли молча. Даниил оглядывался. Деревня и впрямь была странная. Дома стояли криво, словно их строили в спешке или, наоборот, переставляли много раз. У некоторых — резные наличники, красивые, но потемневшие от времени. У других — просто доски, прибитые как попало.

— У вас тут красиво, — сказал Даниил, пытаясь завести разговор.

Марфа фыркнула.

— Красиво, говоришь. Да только красоты этой мало кому надо. Молодёжь уезжает, стариков всё меньше остаётся. Скоро и деревни не будет.

— А вы почему не уезжаете?

Она посмотрела на него снова. Теперь в её взгляде читалось что-то ещё — не просто оценка, а жалость. Или предупреждение.

— А мне уезжать некуда. Я здесь родилась. Здесь и помру.

Дошли до дома в конце улицы. Самый большой дом в деревне — двухэтажный, с мезонином, но тоже покосившийся. На крыльце сидел старик лет шестидесяти пяти, с длинной седой бородой, в старой телогрейке. Курил трубку и смотрел в небо.

— Василий Петрович? — спросил Даниил.

Старик повернул голову. Глаза — удивительно ясные, голубые.

— Громов? — переспросил. — Ну, заходи. Чай будешь?

Чай был крепкий, сладкий, с травами. Даниил пил и слушал. Петрович говорил быстро, сбивчиво, постоянно перескакивая с одной темы на другую.

— Церковь у нас старая, — рассказывал он. — Ещё в восемнадцатом веке построили. Старообрядцы строили, бежали сюда от реформ Никона. Думали, здесь их никто не найдёт. И не находил долго. А потом... ну, вы же понимаете, что потом было. Революция, коллективизация, война. Всё прошло стороной, но люди всё равно уезжали. А церковь... церковь так и стоит. Закрыли её в тридцатых, а потом забыли. Никто не трогал.

— А надписи? — спросил Даниил.

Петрович отставил чашку.

— Надписи... Это странно. Я краеведением лет двадцать занимаюсь. И в эту церковь хожу с тех пор, как себя помню. Раньше их не было. А три месяца назад, в июле, пошёл проверить — крыша не течёт ли — и увидел. Стены все в символах. Словно кто-то ночью пришёл и написал.

— Кто?

— Не знаю. Дверь заперта была. Окна целые. Следов никаких.

Даниил нахмурился.

— Вы сказали, некоторые символы вам знакомы.

— Да. Я не специалист, конечно, но много книг читал. Некоторые похожи на древнееврейские. Некоторые — на арамейские. А некоторые... я таких никогда не видел.

— Покажете?

— Конечно. Завтра утром и пойдём. Я ключ от церкви заберу, буду отпирать дверь и ждать снаружи. А пока отдыхай с дороги. Комната тебе готова.

Даниил не мог уснуть.

Комната была маленькая, с низким потолком и узким окном во двор. Кровать скрипела, одеяло пахло нафталином и чем-то ещё — пылью, старостью. За стеной тихо плакал ребёнок, а может, это был ветер.

Даниил лежал на спине и смотрел в потолок. Думал о сыне.

Мише было бы сейчас двенадцать. Если бы выжил.

Но не выжил. Умер, когда ему было три месяца. Пневмония, осложнение, врачи развели руками. Даниил помнит всё до мельчайших деталей: как Миша лежал в инкубаторе, маленький, красный, с трубкой во рту. Как Даниил держал его руку — крошечную, хрупкую, словно у птички. Как врач сказал: «Простите, мы сделали всё, что могли».

После этого Даниил развёлся с женой. Она не смогла простить ему, что его не было дома в ту ночь — был на конференции, выступал с докладом о семиотике религиозных текстов. Ирония судьбы: он изучал, как люди говорят с богом, а бог не услышал его сына.

В рюкзаке у Даниила лежал плюшевый медведь с одним глазом-пуговицей и оторванным ухом. Мишин. Тот самый, что лежал в кровати, когда Миша был маленьким. Даниил возил его с собой уже три года — не мог выбросить, не мог оставить. Как будто пока медведь с ним — Миша не совсем ушёл.

Даниил закрыл глаза. Он не верил в бога. Никогда не верил. Но иногда, по ночам, когда был один, думал: а что, если бог есть? И если есть, то что он за тварь, если позволяет таким вещам происходить?

Символы со стены не выходили из головы. Крутились перед глазами, складывались в узоры, шептали что-то непонятное...

Он провалился в сон.

Ему снилось, что он стоит в церкви.

Но не в той деревянной церкви в Чертополохе. Это был огромный собор, такой большой, что потолок терялся в темноте. Стены покрыты фресками, но фрески странные — не святые на них изображены, а... существа. Многоogie, многоглазые, с крыльями, которые вращались, словно шестерёнки.

Даниил шёл по проходу между скамей. Впереди, у алтаря, стояло нечто.

Похоже на человека, но только похоже. Слишком много рук — и все двигаются. Сотни глаз покрывают существо — и все смотрят на Даниила. И от этого существа исходит свет — не тёплый, не яркий, а какой-то... неправильный. Словно этот свет должен ослеплять, но вместо этого показывает слишком много.

Даниил хотел отвернуться, но не мог. Существо смотрело на него, и Даниил чувствовал, как разум начинает трещать. Он видел себя — не таким, каким себя знал, а таким, какой он был на самом деле. Видел все свои мелкие подлости, все моменты, когда был труслив, все случаи, когда причинял боль другим. Видел свою вину за сына — не ту, которую себе придумывал, чтобы наказать себя, а настоящую, реальную вину. Видел, что мог спасти Мишу, если бы был внимательнее, если бы не поехал на ту конференцию, если бы...

— НЕ СМОТРИ, — сказал голос.

И Даниил проснулся.

Сидел на кровати, весь в поту. Сердце колотилось. За окном ещё темно, но уже начинало светать.

Даниил встал, пошёл в ванную, плеснул холодной воды в лицо. В зеркале увидел своё отражение — уставшее, постаревшее, с тёмными кругами под глазами.

И на мгновение ему показалось, что в глубине зрачков что-то блеснуло — словно крошечное кольцо, покрытое глазами.

Он моргнул — видение исчезло.

Даниил посмотрел на часы. Пять утра. До встречи с Петровичем ещё два часа.

Решил не ложиться снова.

Утром пошли в церковь.

Она стояла на краю деревни, на небольшом пригорке. Деревянная, почерневшая от времени, без креста на крыше. Двери заперты на старый замок, но Петрович достал ключ, отпер, впустил Даниила, а сам остался на пороге.

— Я тут подожду, — сказал он. — Не люблю замкнутые пространства.

Внутри пахло сыростью и старой древесиной. Пол скрипел под ногами. Где-то капала вода. Холод пробирал сквозь одежду. В углах висела паутина. Алтарь пуст — когда-то здесь была икона, но теперь осталась только пустая рама.

Даниил подошёл к стене.

Стена покрыта символами. Вырезаны прямо по дереву, глубоко, с нажимом. Некоторые знакомы — древнееврейские буквы, арамейские вязи. Но большинство он не знал.

Провёл пальцем по символам. Дерево холодное.

— Это не просто надписи, — сказал он тихо, больше себе. — Это предупреждения.

Петрович, стоявший в дверях, заглянул внутрь.

— Предупреждения? О чём?

Даниил не ответил сразу. Смотрел на символы, и в голове начинало складываться понимание. Это не случайный набор знаков. Это система. Язык.

И этот язык говорил одно:

«ОНО ПРИДЁТ. НЕ СМОТРИ В ГЛАЗА ЕГО. ИБО УВИДИШЬ СЕБЯ БЕЗ КОЖИ.»

Даниил отвернулся от стены. Чувство, что за ним кто-то наблюдает.

— Василий Петрович, — сказал он. — А вы уверены, что эти надписи появились три месяца назад?

— Уверен. Я здесь каждую неделю бываю. Раньше их не было.

— А что было в ту ночь, когда они появились?

Петрович задумался.

— Ничего особенного. Дождь шёл. А потом... знаешь, странная вещь. После той ночи собаки в деревне перестали лаять. Словно онемели.

Даниил посмотрел на него.

— И ещё, — добавил Петрович. — В ту ночь я видел свет. Над лесом. Словно молния, но без грома. И очень долго светило.

Даниил молчал. Смотрел на символы, на предупреждение. На стену в последний раз. Символы словно пульсировали в тусклом свете. Он чувствовал, как что-то невидимое давит на грудь.

Это «что-то» было уже здесь.

ГЛАВА 2: ПАДЕНИЕ

Два дня Даниил изучал надписи.

Каждое утро Петрович отпирал дверь церкви, впускал Даниила внутрь, а сам оставался снаружи — говорил, что не любит замкнутых пространств. Даниил оставался один на один со стеной, покрытой символами.

Работа шла медленно. Символы сложные — не просто буквы, а целые конструкции, где каждый знак зависит от соседнего, словно шестерёнки в часах. Даниил чувствовал: это не случайная надпись, не вандализм. Это послание. И написано оно кем-то, кто знал этот язык в совершенстве.

К вечеру второго дня расшифровал большую часть.

Это была не просто запись. Это дневник. Кто-то — скорее всего, один из старообрядцев, основавших деревню — описывал событие, произошедшее здесь в 1783 году. Писал на стенах, высоко, под самым потолком, — боялся, что книги найдут и сожгут, а до надписей под потолком не дотянутся.

«В ночь на 14 октября небо разверзлось, и пришёл Он. Не ангел, как мы думали, но нечто иное. Сущность из света и глаз, вращающаяся, поющая голосами тысяч труб. Мы вышли встретить его, ибо думали — это бог пришёл к нам.

Но когда Он посмотрел на нас, мы увидели себя. Не такими, какими мы себя знали, но такими, какие мы есть на самом деле. И это было невыносимо.

Иван вырвал себе глаза, ибо не мог больше видеть свою греховность. Мария бросилась в колодец. Отец Аввакум начал кричать на языке, которого не знал, и кричал до тех пор, пока не захлебнулся кровью.

Только трое выжили. Те, кто закрыл глаза. Те, кто отвернулся. Те, кто солгал себе, что ничего не видел.

Он ушёл на рассвете. Но Он вернётся. Он всегда возвращается.

Не смотри в глаза его. Ибо увидишь себя без кожи.»

Даниил отложил карандаш. Руки дрожали.

Это не легенда. Это хроника. И описывает она нечто, что не может существовать.

Посмотрел на стену. Символы смотрели на него в ответ.

И вдруг понял: один из символов изменился.

К вечеру напряжение в деревне стало почти осязаемым.

Даниил заметил это ещё утром — люди стали избегать его взгляда. Когда проходил по улице, разговоры стихали. Женщины уводили детей в дома. Мужчины отворачивались, делали вид, что заняты делом.

Только Марфа смотрела на него прямо. И в её взгляде было не враждебность, а... ожидание. Словно знала что-то, чего не знал он.

— Вы что-то чувствуете? — спросил он её, когда она снова несла вёдра из колодца.

Она остановилась. Посмотрела на него долгим, тяжёлым взглядом.

— А ты что чувствуешь?

— Не знаю. Что-то... неправильное. Словно воздух стал гуще.

Марфа кивнула.

— Это оно близко.

— Что близко?

Она не ответила. Просто развернулась и пошла дальше. Вёдра качались в её руках, и вода плескалась — громко, неестественно громко в тишине вечера.

Ночью Даниил не мог уснуть.

Лежал на кровати и смотрел в потолок. За окном темно — даже темнее, чем обычно. Луна не светила, звёзды не виднелись. Словно небо закрылось, стало сплошной чёрной стеной.

И тишина.

Не обычная деревенская тишина, где слышно, как лают собаки, как скрипят ставни, как воет ветер. Нет. Это была абсолютная, ватная тишина. Словно мир затаил дыхание.

Даниил сел на кровати.

Что-то не так.

Встал, подошёл к окну. Посмотрел наружу.

Деревня спала. В окнах темно. Ни одного огонька. Но Даниилу казалось, что кто-то смотрит на него. Не из деревни. Откуда-то ещё. Из леса. Из-за деревьев.

Отвернулся от окна, лёг обратно.

И тогда услышал это.

Сначала похоже на далёкий гром — низкий, раскатистый гул. Но гром не бывает таким... чистым. Этот звук слишком правильный, слишком гармоничный. Словно тысячи голосов поют одну ноту одновременно.

Гул нарастал.

Даниил сел снова. Сердце колотилось.

Звук становился громче, ближе. И теперь он слышал не только гул — он слышал слова. Не на русском, не на английском, не на любом языке, который знал. Но понимал их. Словно они звучали прямо в его голове.

«Я ЗДЕСЬ. Я ПРИШЁЛ. ОТКРОЙТЕ МНЕ.»

Даниил вскочил с кровати.

В комнате стало холодно. Не просто прохладно — холодно, как зимой, когда мороз пробивается сквозь стены. Он видел своё дыхание — белые клубки пара вырывались изо рта и тут же рассеивались.

Выбежал в коридор.

Петрович стоял там. В одной рубашке, босиком. В руках держал керосиновую лампу, и пламя дрожало, словно от ветра. Но ветра не было.

— Вы слышите? — прошептал Даниил.

Петрович кивнул. Глаза широко раскрыты, и в них... восторг? Ужас? Даниил не мог понять.

— Это Он, — сказал Петрович. — Он пришёл.

— Кто пришёл?

— Ангел.

Вышли на улицу.

Небо горело.

Не огнём — светом. Ослепительным, неестественным, белым светом, который заливал всё вокруг. Деревья, дома, дорогу — всё залито этим светом, и тени от него падали в неправильные стороны.

Жители деревни уже были на улице. Все. Стояли, задрав головы, и смотрели в небо. Лица у всех одинаковые — белые, как мел, с широко раскрытыми глазами и открытыми ртами. Словно видели бога.

Даниил посмотрел вверх.

И увидел Его.

Это не похоже на ангела из картин. Не крылья, не нимб, не человеческое лицо.

Это... геометрическое. Вращающиеся кольца, одно внутри другого, покрытые глазами. Сотни глаз, тысячи глаз, и все они смотрят вниз. И от этого существа исходит свет — такой яркий, что глаза начинают слезиться, но одновременно такой... обнажающий. Словно этот свет показывает не только то, что снаружи, но и то, что внутри.

Даниил почувствовал, как что-то начинает давить на его разум. Словно кто-то пытался вскрыть его череп, чтобы заглянуть внутрь.

«НЕ СМОТРИ» — вспомнил он слова со стены.

Опустил глаза.

Но было поздно.

Он уже почувствовал Его взгляд.

Это не как обычный взгляд.

Это как... вторжение.

Даниил почувствовал, как чужое сознание входит в его, словно вода заполняет сосуд. И это сознание начало искать. Оно рылось в его памяти, переворачивало каждый камень, каждую мысль, каждое воспоминание.

И он начал видеть.

Увидел себя — не таким, каким себя знал.

Увидел, как в детстве украл конфету у друга и свалил вину на собаку. Увидел, как в университете списал курсовую и получил отличие. Увидел, как сказал жене, что любит её, хотя на самом деле ему было просто удобно с ней.

Но хуже всего было другое.

Увидел Мишу.

Не таким, каким помнил — маленьким, больным, в инкубаторе. А таким, каким Миша мог бы стать. Увидел его двенадцатилетним — смеющимся, бегающим, живым. Увидел, как они вместе ловят рыбу на речке. Как Миша показывает ему найденный в лесу камень. Как они идут по тропе, и Миша впереди, оглядывается и смеётся.

И понял.

Понял, что мог спасти сына.

Что если бы он был дома в ту ночь, если бы не поехал на конференцию, если бы заметил симптомы раньше — Миша бы выжил. Врачи сказали бы ему, что делать. Он мог бы настоять на другом лечении. Он мог бы...

Он мог бы.

Но не сделал.

И вина — настоящая, реальная, не придуманная — обрушилась на него, словно лавина.

Даниил закричал.

Очнулся на земле.

Рядом стоит Петрович и смотрит на него с тревогой.

— Ты в порядке?

Даниил сел. Голова раскалывается. Из носа течёт кровь — стёр её рукавом, даже не заметив, когда она пошла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.